

Чтобы не задеть Цзян Юя, Чэнь Лин, прокашлявшись, понизил голос:

— Вот и прекрасно. В центре разведения предка нет, так что Сяо Лань сможет там спокойно отдохнуть несколько дней, считай, в отпуск съездит. К тому же, все говорят, что расстояние сближает. Может, когда он вернётся, его мнение о предке изменится.

— А вдруг... — всё ещё сомневался Чжао Сюньчан.

— А если не вернётся, мы можем переехать поближе к центру. Купим машину, и я буду каждое утро ездить на гору Юйхэ на работу.

— Нельзя переезжать! — омрачённое лицо Чжао Сюньчана внезапно посуровело, и он резким тоном повторил: — Нельзя!

Чэнь Лин замер, растерянно пробормотав:

— Наставник, мне уже намного лучше, я и сам могу за себя постоять...

— Я сказал, нельзя. Ты должен оставаться на горе Юйхэ. — Осознав, что его тон был слишком резок, Чжао Сюньчан сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, и тут же сменил тему. Суровое выражение исчезло с его лица, уступив место добродушной улыбке. — Ладно, не будем об этом. Лучше позвони-ка ты старому Линю.

— Хорошо. — Чэнь Лин сделал пару шагов к своей комнате, но обернулся, чтобы посмотреть на Чжао Сюньчана.

Лицо старика менялось быстрее, чем страницы в книге. Улыбка снова исчезла, сменившись тревогой. Но уже в следующее мгновение он, заложив руки за спину, подошёл к жёрдочке попугая и, подняв с земли свежевывипанное перо, сокрушённо вздохнул. Он хотел было погладить птицу по голове, но побоялся, что та его клюнет.

Чэнь Лин подумал, что улучшение его состояния, видимо, лишь поверхностное. Наверное, придётся пожить здесь ещё какое-то время, чтобы добиться коренных изменений.

Поэтому наставник так рассердился и встревожился, услышав его слова.

Чтобы не расстраивать Чжао Сюньчана ещё больше, Чэнь Лин с телефоном в руке ушёл в свою комнату и позвонил в Лесное управление.

Этот ара был привезён из-за границы и выращен в неволе в Китае. У Чжао Сюньчана он жил уже больше года.

История их знакомства была довольно необычной. Год с лишним назад Чжао Сюньчан, путешествуя, оказался в юго-западном регионе и случайно забрёл в тропический лес. Там, в лесу, находился центр разведения редких птиц.

В то время незаконная охота процветала, и самые дерзкие браконьеры даже проникали на территорию центра, чтобы воровать птиц. Этот сине-жёлтый ара был одной из похищенных особей.

Благодаря своему высокому интеллекту, он сумел открыть клетку, пока похитители не успели повесить замок, и сбежал. В процессе побега он выклевал глаз одному из браконьеров.

Разъярённый похититель выстрелил из ружья.

Пуля попала ара в крыло, и он камнем рухнул с неба прямо к ногам Чжао Сюньчана.

После спасения попугай привязался к своему благодетелю. Когда его вернули в центр, он впал в депрессию и объявил голодовку.

В отчаянии сотрудники центра позвонили Чжао Сюньчану и попросили его навестить птицу.

Чжао Сюньчан, привыкший к одиночеству, за короткое время общения с маленьким созданием ощутил в сердце непривычную нежность и тут же согласился.

После этого визита попугай стал ещё более неотлучен от него. Он следовал за ним повсюду, а иногда, боясь, что Чжао Сюньчан снова бросит его, даже хватал клювом за штанину.

После долгих обсуждений центр связался с Лесным управлением Северного города, надеясь, что они примут молодого сине-жёлтого ару и передадут его на попечение Чжао Сюньчану.

Кроме того, Лесное управление, выполняя свои надзорные функции, должно было организовать на базе местного центра по разведению диких животных программу по продолжению разведения сине-жёлтых ара.

Каждый раз, вспоминая эту историю, Чжао Сюньчан, старик, который никогда не курил, не мог удержаться, чтобы не затянуться пару раз.

Этой историей он мог бы хвастаться всю жизнь.

Начальник Линь ответил почти сразу.

— А, это ты, Сяо Чэнь. Как там попугай поживает?

— Не очень, — ответил Чэнь Лин. — У него брачный период, нужно, чтобы вы приехали и забрали его в центр разведения.

Услышав это, начальник Линь громко рассмеялся.

— У нас в северном городском центре самка тоже в загуле. Последние несколько дней такая злая, кто ни дотронется — клюёт. Ужас какая свирепая.

— Какое совпадение.

— У гиацинтовых ара брачный период наступает поздно, обычно в июле или декабре, а сейчас как раз конец июля, — пояснил начальник Линь. — У птицы брата Чжао это, наверное, впервые, так что агрессии может быть много. Мне нужно будет отправить людей с клеткой.

Чэнь Лин выглянул в окно. На жёрдочке во дворе сидел выпрямившийся во весь рост маленький попугай.

— Хорошо, назначьте время.

— Послезавтра или через два дня. Мы недавно поймали группу браконьеров, в управлении не хватает людей, все заняты.

— А если его эти пару дней не трогать, ничего страшного? — забеспокоился Чэнь Лин.

— Ничего, — успокоил его начальник Линь. — В начале брачного периода это не страшно, самое опасное начнётся через три-пять дней.

Закончив разговор, Чэнь Лин передал Чжао Сюньчану, когда приедут забирать попугая.

Чжао Сюньчан, услышав это, очень расстроился. Он пошёл на кухню и нарезал для своего любимца много его любимых фруктов, доверху наполнив кормушку.

Но тот, пребывая в дурном настроении, не оценил угощения. Он отвернулся, показав хозяину свой хвост, и продолжил выщипывать пух на груди.

У Вэйвэй из озорства щёлкнул пальцем по синему перу. Улыбка застыла на его лице, он попытался увернуться, но было поздно. Попугай резко развернулся и клюнул его в лоб. У

Вэйвэй взвыл от боли.

Шум и суета во дворе продолжались до самого вечера.

После ужина Чэнь Лин, как обычно, заперся в кабинете, чтобы учиться.

Ему не хватало способностей, и он пытался компенсировать это усердием. Сначала он несколько раз повторил часто используемые заклинания, а затем достал и разложил на столе печать Хуаншэнь Юэчжанъинь, талисманную бумагу, кисть, жидкую киноварь и чашу для промывки кистей.

Подняв глаза, он увидел во дворе Чжао Сюньчана и Цзян Юя, сидевших по обе стороны каменного стола. Их губы непрерывно шевелились, лица были серьёзны — очевидно, они вели беседу о Дао.

У Чэнь Лина зачесались руки — ему хотелось подойти и послушать, но, вспомнив своё поведение днём, он заставил себя отступить и взялся за кисть, обмакивая её в алую киноварь.

Искусство создания талисманов требовало единства мысли и духа, полного отрешения от мира. Сердце должно было быть спокойным, а окружающее — исчезнуть. Но при этом нельзя было полностью опустошать разум — нужно было снова и снова, со всей концентрацией, мысленно повторять заклинание, соответствующее талисману.

Он закрыл глаза, трижды произнёс про себя заклинание и начал писать.

В начале — иероглифы «юй» и «цзянь», под ними — «По велению патриарха», затем — иероглиф «гром», символизирующий богов грома пяти направлений, и в конце — «ган».

Кисть замерла — талисман Пяти Громов был готов.

Чэнь Лин поднял его, подул, и красная киноварь высохла на глазах.

Приложив печать Хуаншэнь Юэчжанъинь, он взял талисман в правую руку и мысленно произнёс Божественное заклинание Пяти Громов. Заклинание призывало богов грома пяти направлений от имени Изначального Небесного Владыки. Те, чья сила была достаточна, могли действительно вызвать пять молний.

На памяти Чэнь Лина, наставник использовал это заклинание лишь однажды.

В тот день ясное небо внезапно изменилось, заволочлось тёмными тучами, сверкнула молния, и с небес ударил гром, с такой силой, словно хотел расколоть небо и землю.

Но Чжао Сюньчан показал это лишь раз и больше никогда не повторял.

Причиной тому было то, что явление пяти молний попало в новости, и на многих форумах, посвящённых мистике и эзотерике, начались бурные обсуждения: было ли это явлением драконьего божества или же великий демон проходил небесное испытание.

Чэнь Лин зарегистрировался на одном из форумов и попытался объяснить, что это не было испытанием. Ему не только не поверили, но и обругали за невежество, узость взглядов и попытку умничать.

Талисман был зажат между двумя пальцами и вытянут вверх. Окно в комнате, хлопавшее от ветра, замерло, благовония на столе перестали дымиться, а розовая от киновари вода в чаше для промывки кистей перестала колыхаться.

Вечернее небо, окрашенное закатом, потемнело. Тёмные тучи со всех сторон устремились к маленькому дворику, собираясь прямо над ним.

Чжао Сюньчан замер и, резко встав, посмотрел на небо.

Змееподобные молнии сверкали в облаках, и по всему миру разносился грохот.

Цзян Юй посмотрел на полуоткрытое окно за своей спиной. Юноша с талисманом в руке, закрыв глаза, нахмурился. Его алые губы быстро шевелились, произнося ясным и звучным голосом:

— Юйцин Шицин, истинный талисман клянётся, продвигая две ци, смешивая их в единую истину. Пять громов, пять громов, спешите в Хуаннин, туманные трансформации, рёв молний и грома...

После третьего повторения тёмные тучи на небе сгустились ещё больше, нависнув так низко, словно вот-вот обрушатся.

Чжао Сюньчан дрожал от волнения. У Вэйвэй, не домыв посуду, выскочил из кухни и с изумлением уставился на небо. Он предчувствовал, что сегодня ночью произойдёт что-то важное.

С оглушительным грохотом сверкающая молния ударила с небес, и казалось, что она поразила гору в ста милях отсюда.

Леса вокруг горы Юйхэ наполнились тревогой. Птицы, прятавшиеся в них, с криками взлетели и бросились в разные стороны, но не успели они найти безопасную ветку, как ударила вторая молния.

Чэнь Лин резко открыл глаза. Талисман в его руке неизвестно когда загорелся, обжигая кончики пальцев.

Не раздумывая, он бросил талисман в чашу с водой. Как только пошёл дым, тёмные тучи на небе тут же рассеялись, и сумрачный свет снова озарил всё вокруг.

Чжао Сюньчан погладил себя по голове и, заложив руки за спину, подошёл к окну комнаты своего младшего ученика.

— Гораздо лучше, чем предыдущие холостые выстрелы, — сказал он, оперевшись локтем о подоконник. — На этот раз вызвать одну молнию — это уже очень хорошо.

Это было не просто хорошо, а превосходно, но, чтобы не заставлять ученика гордиться, он решил похвалить его более сдержанно.

Жжение на кончиках пальцев всё ещё не проходило. Чэнь Лин потряс рукой и с надеждой посмотрел на наставника.

— Правда?

— Конечно, — ответил Чжао Сюньчан и, боясь, что тот упадёт духом, сменил тактику. — Ты гораздо сильнее, чем я в твоём возрасте. Я свою первую молнию вызвал только в тридцать с лишним лет. Можешь спросить у своих старших дядей, если не веришь.

Чэнь Лин поднял руку и посмотрел на неё на свету. Пальцы покраснели, он не знал, появятся ли волдыри.

— У меня не хватило духовной силы, — тихо сказал он. — Перед тем, как талисман загорелся, я почувствовал, что достиг своего предела.

Использовать собственную духовную силу для подпитки талисмана было действительно опасно, если только тело не могло стать океаном, источником которого были бы все реки и моря. Только тогда духовная сила стала бы неисчерпаемой.

Чэнь Лин надул щёки и, подув на пальцы, жалобно спросил:

— Наставник, у нас есть мазь от ожогов?

Огонь талисмана не должен был обжигать того, кто его держал. Но сегодня было по-другому. Младший ученик слишком перенапрягся, и ожог был предвестником обратного удара.

Чжао Сюньчан с жалостью щёлкнул юношу по лбу.

— Впредь не рискуй так. Делай всё постепенно, не торопись, у тебя ещё много времени.

— Мне уже двадцать. Если считать, что жизнь длится сто лет, то пятая часть уже прошла, — пошутил Чэнь Лин.

Но Чжао Сюньчан вдруг стал серьёзным.

— За продолжительность жизни отвечает Ведомство приумножения счастья и долголетия. Делай больше добрых дел, и твоя жизнь, естественно, продлится. К тому же, я с первой нашей встречи знал, что ты будешь долгожителем.

— Наставник, — спросил Чэнь Лин, идя за ним, — почему вы взяли меня в ученики?

— Судьба, наверное, — не оборачиваясь, ответил Чжао Сюньчан.

«Да, судьба была очень странной», — подумал Чэнь Лин.

В то время родители возили его по разным местам, он встречался со многими так называемыми мастерами, но всё было безрезультатно. И вот, когда они уже почти отчаялись, после посещения даосского храма в ста километрах от Северного города, где они зажгли благовония и получили предсказание, собираясь пообедать в вегетарианской столовой, он потерял кошелёк.

Человеком, нашедшим кошелёк, оказался Чжао Сюньчан.

Узнав, что он — странствующий наследник горы Лунхушань, родители Чэнь Лина не сразу поверили. Лишь когда тот предъявил своё удостоверение даосского монаха, документы с горы Лунхушань, паспорт и другие свидетельства, они в волнении схватили Чжао Сюньчана за руки и стали умолять спасти их драгоценного сына.

Спрашивается, кто в здравом уме будет постоянно таскать с собой все важные документы?

Чэнь Лин был уверен: не будь у того при себе этих бумаг, его родители, наученные горьким опытом обмана, тут же ушли бы, а может, даже вызвали бы полицию.

Вспомнив об этом, Чэнь Лин добавил:

— Кстати, наставник, папа несколько дней назад писал мне, говорит, давно не виделись, хотел бы с вами встретиться.

— Хорошо, пусть твой отец назначит время, я всегда свободен, — вспомнив о коллекции хорошего вина отца Чэнь Лина, Чжао Сюньчан облизнулся. — Давненько я не выпивал с братом Чэнем.

— Во время последнего осмотра у вас было повышенное давление, алкоголь вам противопоказан, — безжалостно напомнил Чэнь Лин.

Чжао Сюньчан тут же сник. Он вяло открыл ящик, бросил оттуда тюбик мази от ожогов и принялся выгонять Чэнь Лина.

— Иди, иди, уходи отсюда, я спать хочу.

— Но сейчас только девятый час.

— При высоком давлении нужно больше отдыхать! — Чжао Сюньчан скинул тапки, лёг на кровать и отвернулся к стене.

— Старый ребёнок, как не по-детски.

— Ты! — Чжао Сюньчан вскочил с кровати.

Но перед ним уже никого не было, тот давно убежал. Он усмехнулся и, покачав головой, с улыбкой пробормотал в сторону окна:

— Ах ты, негодник!

Чэнь Лин, сжимая в руке мазь от ожогов, сидел на каменных ступеньках у входа в свою комнату. Он выдавил на палец немного белой мази и осторожно размазал её, чувствуя, как прохлада растекается по кончикам пальцев, снимая жжение.

Закрыв тюбик, он встал. Взгляд его скользнул к воротам, и он заметил, как что-то мелькнуло за щелью.

Он на цыпочках подошёл и медленно приоткрыл ворота. За углом, справа от ворот, стояли две призрачные фигуры. Судя по их росту, телосложению и вибрации колокольчика Трёх Чистых в кармане, это были два иньшэня из четырнадцатого и сорок восьмого ведомств.

Вспомнив, что он обещал им, когда призывал, Чэнь Лин хлопнул себя по лбу и бросился на кухню. Он достал из холодильника половину недоеденной жареной курицы и спустился в подвал за пачками ритуальных денег большого номинала, оставшихся с прошлого раза, когда Чжао Сюньчан призывал иньчаев.

Пачки денег, сложенные стопкой, лежали в закопчённой жаровне. Чэнь Лин, держа жаровню в одной руке и курицу в другой, почтительно поставил всё это перед двумя иньчаями.

— Это то, что я обещал. Надеюсь, вы не побрезгуете. Если мало, в следующий раз я принесу вдвое больше, — сказал Чэнь Лин, присаживаясь и доставая зажигалку.

Два иньчая были сбиты с толку. Через несколько секунд до них дошло.

— Юноша, ты неправильно понял, мы пришли не за этим... — начал было иньчай из четырнадцатого ведомства.

Он осёкся, его призрачная фигура вздрогнула и выпрямилась, а беззаботный тон сменился на праведный.

— К тому же мы, государственные служащие, не берём у жителей мира живых ни иголки, ни нитки. Ловить души, запирают призраков, наказывать зло и поощрять добро — это наша работа.

Чэнь Лин замер. Это расходилось с тем, что говорил наставник.

— Верно, верно, — подхватил иньчай из сорок восьмого ведомства. — Не впутывай нас в неприятности. Мы честные труженики, взяток не берём.

Он взмахнул рукой, и налетевший ветерок затушил только что загоревшийся краешек ритуальных денег.

«...»

Их неподкупность и честность заставили Чэнь Лина испугаться, что его могут неправильно понять. Он быстро нашёлся:

— Это ни в коем случае не взятка, а благодарность за то, что вы откликнулись на мой зов. Я и не думал, что, впервые призывая иньшэней, побеспокою сразу троих.

Два иньчая переглянулись, в их взглядах читалось недоумение.

— Только пятьдесят девятое ведомство откликнулось на твой зов, мы не... — иньчай из четырнадцатого ведомства чуть не проговорился, но вовремя спохватился и, нервно усмехнувшись, добавил: — Это говорит о твоём исключительном таланте, юноша. Мы услышали твой зов уже после пятьдесят девятого ведомства, не сразу.

— Да, да, именно так, — иньчай из сорок восьмого ведомства ткнул коллегу локтем,

выразительно дёрнув глазом.

Чэнь Лин заметил его подёргивание и невольно обернулся.

— Когда ты пришёл? — удивлённо спросил он Цзян Юя.

— Только что, — ответил Цзян Юй, опустив взгляд на потухшие ритуальные деньги, которые всё ещё дымились у ног двух иньшэней. — Ты им это сжигаешь?

Взятодатель, взятополучатели и сама взятка — всё было налицо. Любые объяснения казались бы неубедительными. Чэнь Лин решил молчать и притвориться мёртвым.

Цзян Юй поджал губы и, взглянув на двух иньшэней, спросил:

— Зачем вы здесь?

Иньчай из четырнадцатого ведомства хотел было поклониться, но, вспомнив многозначительный взгляд Цзян Юя днём, заставил себя выпрямиться.

— Дело вот в чём. Проверка подтвердила преступления, совершённые Чжу Пэном. За убийство людей, незаконное присвоение чужого имущества и другие преступления ему могут быть назначены следующие виды кармического воздаяния: повешение, автомобильная авария, самоубийство, падение с высоты, смерть от падения... и так далее.

Цзян Юй молчал.

— Это что, можно выбирать? — изумился Чэнь Лин.

— В принципе, нет, — ответил иньчай из четырнадцатого ведомства, заискивающе взглянув на Цзян Юя и улыбнувшись. — Но у меня ведь есть некоторые связи с тем, кто рядом с тобой, поэтому я пришёл узнать его мнение.

— Да, господин Цзян, у вас есть какие-нибудь пожелания? — подхватил иньчай из сорок восьмого ведомства.

Цзян Юй опустил взгляд на стоявшего рядом юношу, вопросительно глядя на него.

Даже если это были не самые высокопоставленные иньшэни, для Чэнь Лина они были представителями высшей власти, к которым следовало относиться с почтением.

Они из уважения к предку задали ему пару вопросов, но он не мог принять это всерьёз.

— Нет, нет, — поспешно замахал он руками. — Поступайте по закону.

Иньчай из сорок восьмого ведомства нервно усмехнулся и посмотрел на Цзян Юя. Увидев его лёгкий кивок, он сказал:

— Что ж, тогда мы пойдём.

Не прошло и пяти секунд, как два иньшэня растворились в ночной тьме.

Почти в ту же секунду давление рядом с ним упало. Чэнь Лин ещё раньше заметил, что этот человек чем-то недоволен.

Он не любил держать всё в себе и спросил прямо:

— Ты чем-то расстроен?

— Ничем, — ответил мужчина, но выражение его лица говорило об обратном.

Тусклый свет из двора падал на него сзади, оставляя глаза в тени и не позволяя разглядеть его эмоции.

Чэнь Лин задумался. Кажется, его настроение испортилось с того момента, как он увидел двух иньшэней.

— Ты злишься, что я хотел сжечь им подношения? — предположил он.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — косо взглянул на него Цзян Юй.

— Я правда не собирался давать взятку, просто хотел проявить заботу и благодарность за их тяжёлую работу.

Неизвестно, какое слово задело его, но аура Цзян Юя резко изменилась. Воздух наполнился густой инь-ци, такой же тёмной и плотной, как тучи, вызванные талисманом Пяти Громов, — пугающей и гнетущей.

Цзян Юй схватил юношу за плечи и притянул к себе.

— Меня не волнует, берут они взятки или нет. Меня злит, что ты сжигаешь подношения другим мужчинам, кроме меня.

— ...А?

Холодное дыхание Цзян Юя смешалось с дыханием Чэнь Лина. Не было никакого отторжения, всё было гармонично и естественно, настолько, что, когда тот отстранился, Чэнь Лин не сразу опомнился, ему всё ещё казалось, что руки лежат у него на плечах.

Он поднёс кулак к губам и тихо кашлянул.

— Может, они и не мужчины. Лиц-то не видно, а голос может быть просто нейтральным.

Цзян Юй: «...»

Иньшэни, которые на самом деле не ушли и пытались понять отношения этих двоих: «...»

За то время, что они провели вместе, Чэнь Лин понял, что предок — человек упрямый, если что-то решил, то не отступит.

Например, в их отношениях. Он пытался наладить с ним дружеские отношения, но Цзян Юй всегда вёл себя как глава семьи, помогая ему и защищая.

Поэтому такая реакция на подношения была вполне ожидаемой.

В глазах Цзян Юя ситуация, вероятно, выглядела так, будто один из обручённых тайно дарит цветы и подарки какому-то постороннему мужчине.

Чэнь Лин хотел поговорить с ним, но, встретившись с его гневным взглядом, почувствовал себя виноватым, словно он и впрямь был неверным, который ест из своей тарелки, а сам заглядывается на чужую.

Он потёр лоб и скрепя сердце уступил:

— Хорошо, я обещаю.

Но уступка не была безвозмездной. Раз он пошёл на попятную, то должен был что-то получить взамен.

Чэнь Лин спрятал руки за спину и с любопытством уставился на Цзян Юя.

— Скажи мне честно, твой статус в преисподней выше, чем у них?

— Можно и так сказать, — не стал скрывать Цзян Юй, но и вдаваться в подробности не собирался.

Чэнь Лин поджал губы.

— Тогда почему ты сам не занимался поимкой душ?

— У каждого свои обязанности, и я не вмешиваюсь в дела мира живых, — ответил Цзян Юй, сделав паузу и многозначительно добавив: — За исключением дел, касающихся тебя.

Чэнь Лин хотел было расспросить его о личности поподробнее, но теперь все слова застряли у него в горле.

Кровь прилила к лицу. Он отвёл взгляд.

— Я... я пойду, — пробормотал он и быстро скрылся за воротами.

Цзян Юй неспешно последовал за ним. Глядя на торопливо удаляющуюся в свою комнату спину юноши, он улыбнулся. Проходя мимо, он остановился и сквозь узкую щель в двери встретился взглядом с подглядывающим.

Лицо Чэнь Лина вспыхнуло. Он с треском захлопнул дверь, запер её на замок и прислонился к ней спиной.

Дождавшись, пока шаги снаружи стихнут, он быстро подошёл к окну и задёрнул шторы.

С досадой сев за стол, Чэнь Лин подумал: «Неудивительно, что он прожил тысячу лет. Старый призрак. Свинины не ел, но свиней бегающих видел предостаточно. Словами соблазняет — заслушаешься».

Будь у него самого такой талант, он бы до сих пор не был одинок.

\*\*\*

<http://bllate.org/book/13702/1587749>